

ни», «Яйцо Жизни»). Авторы выделяют три компонента адаптивной стратегии: во-первых, создание внутреннего канона монографий, формирующего замкнутую систему взаимных ссылок; во-вторых, использование государственной премии как нарратива практической пользы; в-третьих, презентация теории на международных книжных выставках как способ формирования представления о ее международной видимости.

Основной вывод: теория дистортности – не маргинальный курьез, а симптоматичный феномен постсоветской научной культуры. Она демонстрирует, как научные коллективы, базирующиеся в региональных вузах, создают автономные миры знания, ориентированные на внутреннюю целостность, символический капитал и корпоративную солидарность. Ее ценность – не в эмпирической продуктивности, а в способности отражать общие черты эпохи: стремление к «большим теориям», гипертрофированную междисциплинарность, методологический синкретизм и поиск новых оснований знания в условиях кризиса.

Ключевые слова: дистортность, постсоветская наука, научная культура, сакральная геометрия, русский космизм, институциональная легитимация, методологический синкретизм, научная школа.

Distortion as a Mirror of Post-Soviet Scientific Culture: A Historical and Sociological Analysis

Boris Zyuzin,

Dr. Sc. (Technical Sciences), Professor,

Head of the Department of Technological Machinery and Equipment,

Tver State Technical University,

22 Afanasij Nikitin Embankment, Tver, 170026, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-8344-3047

zbfu@yandex.ru

Sergey Gamayunov,

Dr. Sc. (Technical Sciences), Professor,

Professor of the Department of Technological Machinery and Equipment,

Tver State Technical University,

22 Afanasij Nikitin Embankment, Tver, 170026, Russian Federation

ORCID: 0009-0006-0409-7796

sng61@mail.ru

Abstract

This article presents a historical and sociological analysis of the theory of Distortion – a scientific phenomenon that emerged in the 1990s at Tver State Technical University. The focus is not on the scientific validity of the theory, but on its function as a cultural indicator reflecting the core intellectual orientations, survival strategies, and epistemological anxieties of Russian science in the post-Soviet period. The authors interpret Distortion as a “mirror” of its era: it

embodies attempts to overcome the crisis of paradigms, the fragmentation of knowledge, and the loss of methodological unity through the construction of universal synthetic frameworks.

Drawing on a body of monographs, dissertations, materials from the international seminar “DISTORTION – AROUND US,” and official documents produced by members of the “Tver School of Distortion,” the study employs the case study method to examine this school as a representative example of how a regional scientific community adapted to systemic crisis.

The theory evolved in two stages: first as a local concept in soil mechanics (mid-1990s), then as a paradigm claiming universality, extending into physics, economics, biology, and even sacred geometry (2000s–2010s). Its genesis stems from three sources: the Soviet engineering tradition, Western nonlinear paradigms (synergetics, catastrophe theory, fractal geometry), and a philosophical-esoteric discourse (“golden ratio,” “Crystal of Life,” “Seed of Life”).

The authors identify three components of the school’s adaptive strategy: first, the creation of an internal canon of monographs forming a closed system of mutual citations; second, the strategic use of a state prize as a narrative of practical utility; third, the presentation of the theory at major international book fairs as a means of cultivating an image of international visibility.

The central conclusion is that Distortion is not a marginal curiosity but a symptomatic phenomenon of post-Soviet scientific culture. It illustrates how scientific communities based in regional universities construct autonomous knowledge worlds oriented toward internal coherence, symbolic capital, and corporate solidarity. Its historical value lies not in empirical productivity, but in its capacity to reflect the defining features of its era: the aspiration toward “grand theories,” hypertrophied interdisciplinarity, methodological syncretism, and the search for new epistemic foundations amid crisis.

Keywords: distortion, post-Soviet science, scientific culture, sacred geometry, Russian cosmism, institutional legitimation, methodological syncretism, scientific school.

Библиографическое описание для цитирования:

Зюзин Б.Ф., Гамаюнов С.Н. Дистортность как зеркало постсоветской научной культуры: историко-социологический анализ // Идеи и идеалы. – 2026. – Т. 18, № 2, ч. 1. – С. 231–247. – DOI: 10.17212/2075-0862-2026-18.2.1-231-247.

Zyuzin B., Gamayunov S. Distortion as a Mirror of Post-Soviet Scientific Culture: A Historical and Sociological Analysis. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2026, vol. 18, iss. 2, pt. 1, pp. 231–247. DOI: 10.17212/2075-0862-2026-18.2.1-231-247.

Введение

Научное знание формируется в конкретных институциональных, культурных и исторических условиях. Оно выражает не только стремление к истине, но и тревоги эпохи, ее стратегии выживания и скрытые эпистемологические запросы. Распад советской научной системы в конце XX века, сопровождавшийся обвалом финансирования, размыванием методологи-

ческих ориентиров и массовым оттоком исследователей, породил множество локальных интеллектуальных инициатив, каждая из которых претендовала на статус всеобщей теории. Теория дистортности, возникшая в стенах Тверского государственного технического университета, представляет интерес не как гипотеза, подлежащая верификации, а как симптоматичный культурный индикатор – зеркало, в котором отразились глубинные установки, стратегии выживания и эпистемологические тревоги российской науки 1990–2020-х годов [5, 6, 9–11]. Настоящая работа реконструирует генезис, эволюцию и институционализацию этого феномена, рассматривая его не как частный эксцесс, а как репрезентативный случай постсоветской научной адаптации: именно в условиях кризиса парадигм возникают новые формы интеллектуальной солидарности, методологического синкретизма и претензии на универсальную значимость, характерные для интеллектуальных и социальных процессов в российской науке на рубеже XX–XXI веков.

Генезис концепции: от инженерной задачи к философско-методологическому проекту

Возникновение теории дистортности хронологически совпадает с переломным периодом в истории российской науки, характеризующимся распадом советской научной системы, резким сокращением финансирования фундаментальных исследований и одновременным открытием новых возможностей для международного обмена и трансдисциплинарных экспериментов.

Данная концепция, сформировавшаяся в научном коллективе Тверского государственного технического университета, изначально претендовала не только на решение частных задач механики грунтов, но и на создание новой универсальной естественнонаучной парадигмы. Такой переход от локальной инженерной проблемы к глобальным философско-методологическим обобщениям требует исторического объяснения.

Этот процесс происходил в рамках научной школы Тверского государственного технического университета (ТвГТУ) в области механики грунтов, геотехники и торфяного дела, переживавшей в конце 1980–1990-х годах глубокую трансформацию. С одной стороны, традиционные отраслевые связи с предприятиями торфодобывающей и строительной промышленности существенно ослабли. С другой – исчезновение идеологических ограничений открыло ранее недоступное пространство для смелых теоретических построений, которые в прежней системе координат могли быть восприняты как маргинальные.

Формирование концепции обеспечивалось сотрудничеством ученого-администратора и генератора идей. Первую роль играла фигура, сочетав-

шая научный авторитет в области механики грунтов с административным ресурсом (В.А. Миронов, ректор, заведующий кафедрой), что гарантировало теории институциональную поддержку. Вторую роль выполнял систематизатор и генератор базовых идей (Б.Ф. Зюзин). Их сотрудничество, выстроенное по классической модели «учитель – ученик», стало организационным и интеллектуальным стержнем формирующейся школы.

Интеллектуальный климат этого времени характеризовался интересом к нелинейной динамике, синергетике и теориям самоорганизации. Активная рецепция переводов работ И. Пригожина [12], Г. Хакена [14], обсуждение идей теории катастроф [1] и фрактальной геометрии [7] создавали в российском научном сообществе ощущение смены парадигмы, перехода от линейного, детерминистического мировоззрения к сложному, нелинейному. Этот общемировой тренд породил множество попыток приложения нового концептуального аппарата к самым разным областям знания. Теория дистортности стала одной из таких попыток в сфере инженерных наук, что находит прямое отражение в ее базовых постулатах о связи предельных состояний с максимальной скоростью изменения энтропии.

Для инженеров-механиков, сформированных в традиции строгого детерминизма и прикладных экспериментов, знакомство с этими концепциями в начале 1990-х годов стало важным стимулом. Однако в них видели не столько готовый инструментарий, сколько философский вызов. Возникла внутренняя задача: можно ли найти собственный, имманентный механике деформируемого твердого тела, инвариант нелинейности – аналог «закона сохранения» для предельных состояний? Искомый концепт должен был родиться не из прямой аналогии, а из переосмысления фундаментальных инструментов дисциплины: круговых диаграмм Мора, опытов по сдвигу, теории прочности. Введение в 1994 году понятия «дистортность» стало ответом на этот вызов – попыткой построить мост от конкретной инженерной практики к языку нелинейных явлений общего плана, не теряя связи с геометрической интуицией и экспериментальными данными.

Приоритетной датой введения понятия «дистортность» в научный оборот считается 22 декабря 1994 года [10]. Анализ ранних работ позволяет реконструировать исходный замысел. Первоначально термин использовался для описания нелинейных эффектов в деформировании горных пород и грунтов [11], выходящих за рамки классических линейных моделей. Он наследовал смысловое поле английского *distortion* (искажение, геометрическое нарушение подобия) из оптики, радиоэлектроники и механики сплошных сред [13].

Однако уже на начальном этапе происходит принципиальный концептуальный сдвиг. Дистортность начинает трактоваться не как погрешность, а как фундаментальное свойство материала и системы, проявляющееся в

критический, предельный момент ее существования. Этот семантический переход позволил перевести понятие из разряда описательных в разряд объяснительных категорий. Для обеспечения научной легитимности в глазах консервативного инженерного сообщества авторы сознательно «привили» новую идею к стволу авторитетной отечественной традиции – синтетической теории прочности академика РАН Е.И. Шемякина [15, 16]. Концепция дистортности позиционировалась как закономерный этап развития этой теории, предлагая дополнить ее систему инвариантов новым, энтропийным критерием.

Помимо прямой декларации преемственности, адаптация наследия советской инженерной механики носила характер глубокого сущностного переосмысления. Теория дистортности позволяла перейти от инструментального к онтологическому пониманию ключевых конструктов. Так, круг Мора, «паспорт прочности» или закон Кулона трактовались уже не просто как методы расчета, а как частные проявления универсального принципа, описывающего фундаментальное свойство реальности в ее критических точках. Этот концептуальный сдвиг позволил построить мост между узкой задачей оценки прочности материала и теоретическими конструкциями нелинейной динамики. Таким образом, советская инженерная школа стала не только источником терминологии, но и тем интеллектуальным материалом, переплавка которого в новый синтетический сплав и составляла суть проекта.

К середине 1990-х годов складывается концептуальное ядро теории: гипотеза о существовании универсального безразмерного инварианта Π_K , характеризующего состояние системы, и метод приведенного квадрата для его геометрического представления. На этом этапе теория сохраняет тесную связь с конкретными экспериментальными задачами, о чем свидетельствует ее последующее включение в обязательную литературу учебной программы «Обогащение полезных ископаемых» ВАК Республики Беларусь.

Начиная с 2000-х годов теория дистортности вступает в фазу активной экспансии [5]. Второй этап эволюции теории, приходящийся на 2000–2010-е годы, характеризуется стремительным расширением ее предметной области. Из инструментария частной механики дистортность трансформируется в декларируемый универсальный метод оценки предельных состояний для систем любой природы. Апогеем этой экспансии становится создание развернутой классификационной таблицы предельных инвариантов [5]. Эта таблица представляет собой не просто научный инструмент, а отражает стремление к универсальной преемственности. В рамках единой матрицы оказались объединены законы механики, экономические принципы, психофизиологические корреляции, астрономические ассо-

циации, а также философские и культурные категории, такие как «золотое сечение» [5]. Подобный синтетический подход отражает характерную для постсоветского интеллектуального пространства тенденцию к междисциплинарному синтезу – поиску единого ключа к пониманию всего мироздания в условиях утраты прежних идеологических и методологических ориентиров.

Развитие теории дистортности привело к созданию оригинальной геометрической модели предельных состояний, получившей название «сферооктаэдр», или «Кристалл Жизни». Эта трехмерная структура, полученная путем компьютерного моделирования пересечения восьми сфер, стала визуальным воплощением обобщенного инварианта прочности. Авторы прямо связывают ее с образами сакральной геометрии, в частности с концепцией «Яйца Жизни», описанной Друнвалло Мельхиседеком [8]. Введение таких терминов, как «Сердце Жизни» и «Кристалл Жизни», не является метафорическим украшением, а представляет собой попытку создать новую символическую систему, способную выразить сложность предельных состояний. Эта стратегия позволяет транслировать технические идеи в язык, доступный более широкой аудитории, включая философов и гуманитариев. Более того, обращение к «Весике Писцис» («Рыбьему пузырю») и «Звезде Давида» служит не просто эстетической иллюстрацией, а методологическим мостом, соединяющим строгие инженерные расчеты с архетипическими образами, что усиливает убедительность теории внутри ее собственного дискурса. Подобная логика была характерна для многих проектов того времени, где в условиях разрыва с официальной наукой и слабой интеграции в мировое научное сообщество возникла потребность в создании самодостаточных, внутренне целостных систем знания, опирающихся на универсальные, вневременные символы. Теория начинает апеллировать не только к рациональному познанию, но и к интуиции, эстетическому чувству, что находит прямое отражение в ее философском обосновании.

Эпистемологические истоки и методологический синкретизм

Теория дистортности опирается на несколько разнородных интеллектуальных традиций, что придает ей гибридный характер. Реконструкция ее истоков позволяет выделить три ключевых источника: советскую инженерно-механическую школу, теорию неравновесной термодинамики и концепцию синергетики, философско-эзотерический дискурс.

Фундаментом и основным источником терминологического аппарата выступила советская инженерно-механическая традиция. Помимо уже упомянутой синтетической теории прочности Е.И. Шемякина [15, 16] явно прослеживается влияние теории подобия и размерности, методов постро-

ения паспортов прочности, использования кругов Мора, а также классических гипотез разрушения.

Вторым ключевым источником стала теория самоорганизации [12]. Концепция заимствует общий пафос и отдельные концепты из синергетики, теории катастроф, фрактальной геометрии. Однако это заимствование часто носило метафорический, а не операциональный характер, служа скорее для общей легитимации спекуляций об энтропии и нелинейности, чем для применения конкретного математического аппарата.

Механизм адаптации западных междисциплинарных концепций 1970–1980-х годов школой дистортности заслуживает отдельного рассмотрения. Восприятие этих идей носило не прикладной, а символически-легитимирующий характер. Такие понятия, как «нелинейность», «фрактал», «аттрактор» или «энтропия», заимствовались не как строгие математические или физические категории с их точным аппаратом, а как модные и авторитетные знаки современной научности. Они использовались для общего описания сложности и качественных скачков в процессах, придавая теории актуальное звучание и связывая ее с глобальным трендом. Например, ссылка на энтропию служила не для термодинамического расчета, а как философская метафора для описания «рассеяния энергии» и перехода к хаосу. Этот подход позволял строить грандиозные аналогии между механическим разрушением и социальными процессами, оставаясь в рамках привычного инженерного формализма (диаграмм, инвариантов), но придавая ему новое, расширительное звучание. Таким образом, заимствования работали не на интеграцию в мировую науку, а на создание внутренне связного и внешне современного языка для локального проекта.

Третьим, наиболее неоднозначным, компонентом стал философско-эзотерический дискурс [6]. В текстах, излагающих теорию, присутствуют отсылки к «сакральной геометрии», проводятся визуальные аналогии с такими образами, как «Цветок Жизни», «Весика Писцис» и «Кристалл Жизни». Введение элементов современных эзотерических учений в научный текст можно интерпретировать двояко: как попытку найти архетипические, общечеловеческие основания для теории либо как симптом определенного релятивизма и кризиса демаркации между научным и вненаучным знанием в исследуемый период.

Этот синкретизм, однако, носил стратегический характер и был осознанным элементом риторики. В текстах школы сознательно сочетались язык инженерных расчетов, апелляция к авторитету классиков и философско-поэтические пассажи, где теория персонифицировалась. Такой стиль работал на внутреннюю консолидацию, создавая уникальный корпоративный дух. Одновременно он выполнял эпистемологическую функцию, компенсируя возможные пробелы в формальной дедукции апелляцией к

интуитивной очевидности и эстетической гармонии геометрических образов. Обращение к сакральной геометрии и создание собственного мифопоэтического лексикона («Кристалл Жизни») следует рассматривать как попытку обосновать теорию вневременными, культурно-архетипическими основаниями, выходящими за рамки сугубо научной дискуссии – характерная черта поиска «тотального» знания в постсоветском интеллектуальном пространстве.

Теоретическое обобщение привело авторов к построению модели предельного потенциала квантового состояния, в которой ключевые параметры напряженно-деформированного состояния выражаются через спиновое квантовое число J .

Расчет показывает, что экстремальное значение критерия предельного равновесного состояния достигается при $J = 2 + \sqrt{2}$, которому соответствует параметр квантования $P_K = 2/\pi \approx 0,637$, которое по величине близко к числу «золотого сечения» $\phi = 0,618$. Эта близость рассматривается как подтверждение универсальности закона дистортности, действующего от микромира элементарных частиц до макроскопических структур.

Аналогичным образом анализируется модель кванта воды, предложенная С.В. Зениным [4], где стабильный ассоциат из 57 молекул выводится из той же логистической функции, что и параметры предельного состояния в механике грунтов. Подобные параллели, пусть и спекулятивные с точки зрения строгой физики, выполняют важную функцию внутри научной школы: они создают ощущение глубокой взаимосвязи всех явлений природы и подтверждают статус дистортности как «естественнонаучной теории» в самом широком смысле. Этот прием – поиск универсальных пропорций, таких как «золотое сечение», в самых разных областях знания – является еще одним маркером интеллектуального ландшафта 1990–2020-х годов, с его стремлением к синтезу и всеобщности в условиях фрагментации и специализации.

Философский каркас теории дистортности, при всей его эклектичности, позволяет выявить еще одну важную интеллектуальную линию – опосредованную связь с традицией русского космизма. Не через прямое цитирование, а через общий пафос «всеединства», веру в существование единых законов для неживой природы, жизни, общества и мышления. Стремление обнаружить «универсальный метод оценки инвариантов предельных состояний» для любых систем – от горных пород до экономики – переключается с универсалистской установкой космизма, нацеленной на целостное познание мира. Особый статус, отводимый в теории категории «гармонии», чаще всего связанной с «золотым сечением», также созвучен художественно-образному стилю научного мышления, характерному для этой традиции. Сам дух теории: стремление к всеединству, вера в суще-

ствование единых законов для природы, человека и общества, особая роль, отводимая «гармонии», – переключается с утопическими проектами всеобщего синтеза знания. Таким образом, дистортность можно рассматривать как своеобразное, прагматически ориентированное продолжение утопии всеобщего синтеза знания в новых, постсоветских условиях, где место философско-религиозной составляющей классического космизма заняли заимствования из западной синергетики и эзотерики.

Интеллектуальный стиль школы сознательно строился на синтезе и иногда на контрасте языков. Сухие математические выкладки и инженерные модели соседствовали с развернутыми философскими экскурсами о гармонии и природе истины. Эта эклектика служила нескольким целям: она позволяла обращаться одновременно к коллегам-технарям на языке формул и к более широкой аудитории гуманитариев или управленцев – на языке образов и метафор. Риторика работ была призвана не только информировать, но и вовлекать, создавая особую, эмоционально окрашенную среду понимания. Обращение к мотивам сакральной геометрии («Цветок Жизни», *Vesica Piscis*) и введение собственных поэтических образов («Кристалл Жизни», «Сердце Жизни») следует рассматривать в этом ключе [6]. Это был поиск глубинных культурных архетипов для вновь вводимых геометрических инвариантов, попытка найти для теории не только научное, но и культурно-символическое основание, усилить ее убедительность через апелляцию к «вечным» формам. Даже игровые, лирические пассажи в текстах (называние теории «девочкой», обращение к ней как к личности) работали на создание уникального, узнаваемого стиля, отличавшего школу от других.

Институционализация стратегии внутренней легитимации

Параллельно с концептуальной экспансией происходит интенсивное институциональное оформление научной школы. К 2019 году по материалам теории были защищены несколько кандидатских и докторская диссертация, опубликована серия монографий совокупным объемом в тысячи страниц.

Особое внимание в процессе институционализации уделялось формированию «твердой школы дистортности» [5]. Она представляет собой поучительный пример самоорганизации научного коллектива в условиях институциональной изоляции от ведущих научных центров и ограниченных ресурсов. Ее структура может быть описана через несколько концентрических кругов. Ядро составляли непосредственные создатели теории и их ученики, защитившие диссертации по данной тематике. Периферию образовывали коллеги из ТвГТУ и других вузов, использовавшие концептуальный аппарат теории в своих прикладных работах. Отдельную

группу составляли символические союзники – маститые ученые, выступавшие в качестве рецензентов или упоминавшие теорию в своих трудах [6]. Их имена выполняли функцию важного символического капитала, повысившего статус всей школы.

Формирование сообщества носило стратегически двойственный характер. С одной стороны, оно воспроизводило модель классической советской научной школы с вертикалью «учитель – ученик», общим полем экспериментов и защитами диссертаций в рамках сложившейся тематики. С другой – сознательно культивировались горизонтальные связи. Привлечение специалистов из экономики, химии, музыковедения и философии было не просто жестом междисциплинарной открытости, но и методологическим приемом. Каждая новая, казалось бы, чужеродная область становилась для теории дистортности проверкой на прочность – стресс-тестом ее претензий на универсальность. Международный научно-практический семинар «DISTORTION – AROUND US», основанный в 2016 году, стал ключевым инструментом этой сетевой консолидации, выполняя роль внутреннего «симпозиума» для регулярного подтверждения единства и жизнеспособности растущего сообщества.

Институциональная история школы представляет собой классический пример адаптивной стратегии, выработанной в условиях периферийного положения. Ее устойчивость обеспечивалась формированием автономной интеллектуальной экосистемы. Последовательное издание объемных монографий служило созданию символического капитала солидности, компенсируя отсутствие публикаций в ведущих международных рецензируемых журналах. Получение в 2011 году Премии Правительства Российской Федерации за прикладную разработку, в которой один из методов исследования был основан на инструментарии дистортности, стало ключевым элементом нарратива о практической эффективности теории – ресурса, критически важного для выживания коллектива в 1990–2000-е годы.

Одним из столпов устойчивости «тверской школы» стало создание собственного канона – серии монографий, накапливавшихся на протяжении трех десятилетий. Эти тексты формировали замкнутую вселенную взаимных ссылок, где основные понятия обосновывались не внешними источниками, а трудами самих авторов теории. Такая самодостаточность позволяла минимизировать зависимость от внешней экспертизы, обеспечивала преемственность поколений адептов и создавала представление о накопительном развитии концепции. Через постоянное внутритекстовое цитирование утверждалась не только научная состоятельность концепции, но и ее историческая глубина – даже там, где таковой не было. Этот канон стал не просто библиографическим артефактом, а инструментом консер-

вазии уникального концептуального мира дистортности. Включение базовой монографии в учебную программу смежного технического вуза закрепило статус теории дистортности как легитимного элемента образовательного канона в узкой профессиональной нише, обеспечив тем самым долгосрочную репродукцию ее идей.

В условиях, когда ценность фундаментальной науки в обществе и у государства ставилась под вопрос, акцент на прикладном успехе (создании новых материалов, технологий) стал ключевым аргументом для защиты самого существования школы. Этот нарратив выполнял как внешнюю, так и внутреннюю функцию. Вне он демонстрировал полезность и окупаемость научной деятельности. Внутри сообщества он поддерживал систему ценностей «инженерного романтизма» – веру в то, что глубокие теоретические изыскания неизбежно ведут к прорывным техническим решениям. Такая риторика была глубоко созвучна общему запросу эпохи на «инновации» и «импортозамещение», позволяя теории дистортности позиционировать себя не как оторванную от жизни спекуляцию, а как практически ориентированное и социально полезное знание.

Рецепция в научном сообществе и стратегии внешней легитимации

Завершая анализ, следует оценить рецепцию теории дистортности в широком научном сообществе. С одной стороны, зафиксированы факты ее использования в учебном процессе, цитирования в диссертационных исследованиях и отраслевых работах, преимущественно в сфере механики грунтов и торфяного дела. С другой – концепция не получила заметного отражения в ведущих направлениях мировой нелинейной динамики, философии науки и теоретической физики [3]. Более детальный анализ этой рецепции позволяет сделать вывод о ее принципиальной природе.

Рецепция теории дистортности выявила ее устойчивую периферийность по отношению к центральным исследовательским программам как теоретической механики, так и нелинейной динамики. Парадоксальным образом ее междисциплинарная экспансия не привела к продуктивному диалогу с другими областями знания, а скорее способствовала внутренней замкнутости школы. Цитирование и использование оставались преимущественно внутрикорпоративными. Эта изоляция является не случайным недостатком, а системным следствием изначальных установок проекта: рожденная как ответ на внутренний вызов советской инженерной школы и вскормленная атмосферой постсоветского синкретизма, теория оказалась глубоко вписана в конкретный социально-интеллектуальный контекст, но плохо переводима на универсальные языки современной науки.

Деятельность «тверской школы дистортности» также служит иллюстрацией специфической постсоветской научной культуры, сформировавшейся на стыке советских традиций и новых реалий. В ней сочетались: административно-сетевая логика воспроизводства (где научный руководитель часто является и начальником), унаследованная от советской Академии и вузов; расширенная междисциплинарность, выходящая за рамки функциональной интеграции, как способ заявить о широкой применимости и значимости в условиях сокращения узких специализаций; ориентация на внутреннее, а не глобальные критерии успеха (защиты диссертаций, ведомственные награды, одобрение руководства). Выживание и относительное процветание школы в техническом вузе демонстрирует, как эта гибридная модель могла быть эффективной для сохранения научного коллектива, его идентичности и продуктивности в их собственном понимании, даже в отсутствие интеграции в международные исследовательские сети. Феномен дистортности, таким образом, является одним из примеров институциональной и интеллектуальной адаптации российской науки в переходный период.

Анализ теории дистортности выходит за рамки реконструкции локального исторического кейса. Он предлагает эмпирическую модель для понимания того, как научные сообщества конструируют автономные режимы знания в условиях разрыва с глобальными эпистемическими стандартами. В эпоху, когда традиционные формы экспертности подвергаются системному сомнению, а границы между наукой, псевдонаукой и альтернативной онтологией становятся все более подвижными, опыт «тверской школы» приобретает теоретическую значимость. Он демонстрирует, что даже в условиях изоляции и ресурсного дефицита коллективы способны создавать внутренне непротиворечивые миры знания, опираясь на гибридную методологию, символический капитал и корпоративную солидарность.

Более того, дистортность служит эмпирической иллюстрацией к современным дебатам о «научной периферии» не как маргинальной зоне, а как пространстве продуктивной эпистемической альтернативы. В этом смысле она актуализирует вопросы, поставленные в работах Латура, Фуко и Кнорр-Цетины: как возникает доверие к знанию? какие институциональные и дискурсивные механизмы замещают отсутствие внешней верификации? и где проходит граница между творческой свободой и эпистемическим произволом? Ответы на эти вопросы невозможны без анализа таких феноменов, как дистортность.

Отсутствие заметного следа в международных рецензируемых журналах не помешало авторам искать глобальные площадки для презентации своей теории. Монографии по дистортности были представлены на книжных выставках-ярмарках BookExpo America 2019, Hong Kong Book Fair и

BUCH WIEN – не как коммерческие издания, а как научные проекты, сопровождаемые вручением «Золотых медалей» и публикацией аннотаций в официальных каталогах.

Для коллектива, действовавшего при ограниченном доступе к федеральным исследовательским ресурсам, такой формат стал критически важным инструментом легитимации. Он позволял создать видимость интеграции в глобальное научное сообщество, компенсируя отсутствие публикаций в рецензируемых журналах. Хотя подобная презентация не заменяет академической верификации, она служит мощным ресурсом подтверждения статуса теории внутри российского научного поля – как значимого интеллектуального продукта с «международным измерением», пусть и в специфической, нестандартной форме.

Эта стратегия – использование престижных, но неакадемических форумов для демонстрации научного продукта – характерна для многих региональных школ, вынужденных искать альтернативные каналы утверждения своей значимости в условиях острой борьбы за ограниченные ресурсы и интеллектуальное признание. В случае «тверской школы дистортности» такие мероприятия работали не просто как витрина, а как элемент институциональной экосистемы: они укрепляли внутренний нарратив о признании, усиливали позиции школы в глазах государственных структур и научного сообщества, а также подтверждали, что проект не замкнут на себе. Подобный подход – превращение книжной ярмарки в площадку для научного признания – наглядно иллюстрирует адаптивную гибкость интеллектуального ландшафта постсоветского времени, способной использовать любые доступные ресурсы для сохранения своей идентичности и продуктивности.

Следует отметить, что стратегии выживания, легитимации и самоорганизации, продемонстрированные «тверской школой дистортности», не являются ее исключительной чертой. Напротив, они отражают более широкие тенденции постсоветской научной культуры, проявившиеся также в других региональных проектах 1990-х годов – от синергетических интерпретаций в Новосибирске до попыток построения «универсальных теорий управления» в Москве. Аналогичные эпистемологические стратегии прослеживаются в проектах системно-мыследеятельностной (СМД) методологии Г.П. Щедровицкого и ТРИЗ Г.С. Альтшуллера, которые, сохраняя исходную прикладную ориентацию, со временем трансформировались в претендующие на всеобщность методологические системы [2]. Как и в случае дистортности, эти инициативы сочетали стремление к всеобщности, гибридную методологию и ориентацию на внутренние критерии успеха. В этом смысле дистортность выступает не как аномалия, а как репрезентативный случай – материальный след интеллектуальных установок эпохи,

запечатленный в концептуальных практиках научного коллектива, базировавшегося в региональном техническом университете.

Заключение

Теорию дистортности правомерно рассматривать как репрезентативный феномен постсоветской научной культуры. Она воплотила ключевые тенденции своей эпохи: стремление к «большим теориям» в условиях фрагментации знания, адаптацию глобальных интеллектуальных трендов к локальному материалу, поиск новых форм научной солидарности через создание школы и широчайший методологический синкретизм. Историко-научная ценность этого феномена заключается не в истинности или ложности ее конкретных формул, а именно в ее репрезентативности. Оглядываясь на ее более чем тридцатилетнюю историю, можно рассматривать теорию дистортности как незавершенный интеллектуальный проект, типичный для своего времени, – проект построения универсальной теории в научном контексте. Такой ответ стал прямым следствием вызовов эпохи: кризис узкого специалитета, запрос на междисциплинарный синтез, поиск новых оснований знания. Следовательно, история дистортности представит как частный случай более общей истории интеллектуальной адаптации, творческой свободы и методологических экспериментов, определивших лицо российской науки на рубеже XX–XXI веков. Она демонстрирует, как практики самоорганизации научного общества при ограниченном доступе к федеральным исследовательским ресурсам могут порождать устойчивые, внутренне целостные миры знания. В этом смысле она остается тем самым «зеркалом», в котором отражаются доминирующие установки постсоветской научной культуры 1990–2020-х годов.

Литература

1. Арнольд В.И. Теория катастроф. – М.: Наука, 1990. – 128 с.
2. Вивич Е.С. Теория решения изобретательских задач Г.С. Альтшуллера как ответ на задачи советской научно-технической политики позднесоветского периода // Новое прошлое. – 2024. – № 3. – С. 154–172. – DOI: 10.18522/2500-3224-2024-3-154-172.
3. Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. – М.: Политиздат, 1991. – 480 с.
4. Зенин С.В., Тяглов Б.В. Гидрофобная модель структуры ассоциатов молекул воды // Журнал физической химии. – 1994. – Т. 68, № 4. – С. 636–641.
5. Зюзин Б.Ф., Миронов В.А. Дистортность – естественнонаучная теория: монография. – Тверь: ТвГТУ, 2019. – 176 с.
6. Зюзин Б.Ф., Миронов В.А., Кравченко О.Б. Научные аспекты дистортности: монография. – Тверь: ТвГТУ, 2024. – 419 с.

7. Мандельброт Б. Фрактальная геометрия природы. – М.: Ин-т компьютер. ис- след., 2002. – 656 с.
8. Мельхиседек Д. Древняя Тайна Цветка Жизни. Т. 1. – М.: София, 2010. – 301 с. – ISBN 978-5-91250-323-8.
9. Дистортность – единство предельности Мироздания: монография / В.А. Миронов, Б.Ф. Зюзин, Б.А. Богатов, В.Н. Лотов. – Тверь: ТвГТУ, 1999. – 192 с.
10. Миронов В.А., Зюзин Б.Ф., Лотов В.Н. Введение в дистортность: моногра- фия. – Тверь: ТвГТУ, 1994. – 160 с.
11. Миронов В.А., Зюзин Б.Ф., Лотов В.Н. Дистортность в механике горных по- род: монография. – Тверь: ТвГТУ, 1995. – 196 с.
12. Пригожин П., Стенджерс П. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
13. Седов Л.И. Методы подобия и размерности в механике. – М.: Наука, 1977. – 440 с.
14. Хакен Г. Синергетика. Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. – М.: Мир, 1985. – 424 с.
15. Шемякин Е.И. Синтетическая теория прочности. Ч. 1 // Физическая мезо- механика. – 1999. – Т. 2, № 6. – С. 63–69.
16. Шемякин Е.И. Синтетическая теория прочности. Ч. 2 // Физическая мезо- механика. – 2000. – Т. 3, № 5. – С. 11–17.

References

1. Arnold V.I. *Teoriya katastrof* [Catastrophe Theory]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 128 p. (In Russian).
2. Vivich E.S. Teoriya resheniya izobretatel'skikh zadach G.S. Al'tshullera kak otvet na zadachi sovetskoj nauchno-tekhnicheskoj politiki pozdnesovetskogo perioda [The Theory of Inventive Problem Solving of G.S. Altshuller as a Response to the Problems of Soviet Scientific and Technological Policy during the Late Soviet Period]. *Novoe proshloe = The New Past*, 2024, no. 3. pp. 154–172. DOI: 10.18522/2500-3224-2024-3-154-172.
3. Graham L.R. *Estestvoznaniye, filosofiya i nauki o chelovecheskom povedenii v Sovetskom Soyuze* [Science, Philosophy, and Human Behavior in the Soviet Union]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 480 p. (In Russian).
4. Zenin S.V., Tyaglov B.V. Gidrofobnaya model' struktury assotsiatov molekul vody [Hydrophobic Model of the Structure of Water Molecule Associates]. *Zhurnal fizicheskoy khimii = Russian Journal of Physical Chemistry A*, 1994, vol. 68, no. 4, pp. 636–641. (In Russian).
5. Zyuzin B.F., Mironov V.A. *Distortnost' – estestvennonauchnaya teoriya* [Distortion – a Natural-Scientific Theory]. Tver, TvGTU Publ., 2019. 176 p.
6. Zyuzin B.F., Mironov V.A., Kravchenko O.B. *Nauchnye aspekty distortnosti* [Scientific Aspects of Distortion]. Tver, TvGTU Publ., 2024. 419 p.

7. Mandelbrot B. *Fraktal'naya geometriya prirody* [The Fractal Geometry of Nature]. Moscow, Institut komp'yuternykh issledovaniy Publ., 2002. 656 p. (In Russian).
8. Melchizedek D. *Dremnyaya Taina Tsvetka Zhizni*. T. 1 [The Ancient Secret of the Flower of Life. Vol. 1]. Moscow, Sofiya Publ., 2010. 301 p. ISBN 978-5-91250-323-8. (In Russian).
9. Mironov V.A., Zyuzin B.F., Bogatov B.A., Lotov V.N. *Distortnost' – edinstvo predel'nosti Mirozdaniya* [Distortion – the Unity of the Limit State of the Universe]. Tver, TvGTU Publ., 1999. 192 p.
10. Mironov V.A., Zyuzin B.F., Lotov V.N. *Vvedenie v distortnost'* [Introduction to Distortion]. Tver, TvGTU Publ., 1994. 160 p.
11. Mironov V.A., Zyuzin B.F., Lotov V.N. *Distortnost' v mekhanike gornykh porod* [Distortion in Rock Mechanics]. Tver, TvGTU Publ., 1995. 196 p.
12. Prigozhin I., Stengers I. *Poryadok iz khaosa: Novyi dialog cheloveka s prirodoi* [Order out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature]. Moscow, Progress Publ., 1986. 432 p. (In Russian).
13. Sedov L.I. *Metody podobiya i razmernosti v mekhanike* [Methods of Similarity and Dimensionality in Mechanics]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 440 p.
14. Haken H. *Sinergetika. Ierarkhii neustoiichivostei v samoorganizuyushchikhsya sistemakh i ustroistvakh* [Advanced Synergetics: Instability Hierarchies of Self-Organizing Systems and Devices]. Moscow, Mir Publ., 1985. 424 p. (In Russian).
15. Shemyakin E.I. Sinteticheskaya teoriya prochnosti. Ch. 1 [Synthetic Theory of Strength. Pt. 1]. *Fizicheskaya mezomekhanika = Physical Mesomechanics*, 1999, vol. 2, no. 6, pp. 63–69.
16. Shemyakin E.I. Sinteticheskaya teoriya prochnosti. Ch. 2 [Synthetic Theory of Strength. Pt. 2]. *Fizicheskaya mezomekhanika = Physical Mesomechanics*, 2000, vol. 3, no. 5, pp. 11–17.

Статья поступила в редакцию 25.01.2026.

Статья прошла рецензирование 14.03.2026.

The article was received on 25.01.2026.

The article was reviewed on 14.03.2026.